

ЕГО ПРОЩАЛЬНЫЙ ПОКЛОН

«Как тележурналист я на некоторое время заглохну», — предупреждает Эльдар Рязанов

Независимая газ. — 1999 — 9 нбр (н 2) — с. 12

Мэтр нашего кино **Эльдар Александрович Рязанов** не нуждается в представлении. Он давно, безоговорочно и навсегда завоевал зрительские симпатии и любовь. Кто не знает его фильмы, книги и даже стихи? Однако огромная часть творческой энергии этого человека отдана еще и телевидению — 11 лет и около 250 только авторских программ.

Ирина Устинова

ЭЛЬДАР АЛЕКСАНДРОВИЧ, давайте вспомним все с самого начала. Как телеведущий вы появились на экране где-то в семидесятых?

— Я пришел на телевидение в январе 1979 года в качестве ведущего всем известной «Кинопанорамы», на ней проработал до 1986-го.

— Чему была посвящена ваша первая программа?

— Честно говоря, я сейчас не помню тематику. Была такая обычная «Кинопанорама». Помню только — мне дали написанный текст, я начал читать, потом сказал: «Нет, я так не могу», — отбросил и стал говорить своими словами. Это было инстинктивно. Я рассказывал о прочувствованном, испытанном, обдуманном мною. На фоне того, что все остальные читали казенные слова, ситуация оказалась непривычной, видимо, поэтому и пришлась по душе.

— Как вообще вы попали на телевидение?

— После ухода Каплера стали лихорадочно искать замену. Кто только не пробовал себя в этой роли — и Олег Ефремов, и Юрий Яковлев, Ольга Остроумова, Никита Михалков. Много было самых разнообразных попыток, потом более или менее утвердился Георгий Капралов. Но он особого восторга у зрителей не вызывал, уж очень был сладким. Иные ведущие просто надевали личину правдолюбцев. Когда я смотрел «Кинопанораму», я думал: «Что же они так плохо это делают? Позвали бы меня, я бы им показал как надо». И вот так случилось, что постоянный режиссер передачи — Ксения Маринина в числе прочих пригласила и меня, и я уже задержался на семь лет.

— Если не ошибаюсь, вы работали на «Кинопанораме» в дружестве с Далем Орловым?

— Я провел несколько передач и понял, что ряд картин я бы не хотел представлять, хотя они считались значимыми и важными. Мне претили всякие официозные фильмы, слинять с которых было просто невозможно. Поэтому я предложил найти еще одного ведущего. Так появился Даль Орлов, с которым мы работали через месяц и замечательно ладили, как два сменщика одного автобуса. У нас были совершенно разные пристрастия, как эстетические, так и идеологические, наши интересы никогда не перекрещива-

лись. Поэтому одновременно очень мирно существовали две передачи, абсолютно разные по тематике и настроению.

— Деятельность телеведущего была для вас совершенно новой. Вы с кем-то советовались, обращались к кому-то за помощью? Как выработывался ваш собственный стиль?

— Собственно говоря, мне помочь было невозможно. Я не могу вспомнить ни одного ведущего, которому я хотел бы подражать: «Да, вот именно так надо делать». Были, конечно, яркие представители, которыми я восхищался. Ираклий Андроников, например,

другое. Но потом у меня произошла ссора с телевидением. Я тогда снял большую программу «Четыре вечера с Владимиром Высоцким», которую начали мордовать, безобразно вырезать без моего ведома, всячески править. За мучили. Я просто хлопнул дверью. Тогда же написал статью в «Огоньке», в которой ярко изложил, как цензуруют и уродуют программы и почему я в эпоху гласности ушел с телевидения. Она в свое время наделала много шороху. Затем я превратился в персону нон грата, Рязанова как бы не стало вообще. Мстили как могли — перестали упоминать,

порезала шубу и т.д. Поэтому эти передачи сразу делались с прищелом на российского зрителя.

— Известно, что вы сделали 14 передач за 18 дней, можно сказать, пронеслись по Франции. Какие-то истории, анекдоты, небывлицы про вас возникли?

— Я тогда действительно сделал много передач — «Княжеские посиделки» о русской эмиграции — Толстой, Трубецкие, Голицыны, Чавчавадзе и прочие, о Французском иностранном легионе, о Жане Маре, жившем около Канн, потом о фестивале в Авориазе — это в Альпах, об Анни Жирардо снимали в Париже, ну и так далее. Огромное количество программ за один приезд и все в разных местах — это не совсем общающиеся сосуды. Мы как бы рассредоточились по стране, французы просто не успели сообразить, что случилось.

— Эльдар

Александрович, вы брали интервью у Ельцина. Если бы вам сейчас предложили побеседовать с одним из наших политиков, кого бы вы выбрали?

— Ни с кем никогда. С Борисом Ельциным

получилось случайно. Мы к 8 Марта

делали программу о Наине Иосифовне, там я познакомился с президентом, и родилось еще две программы. Меня политические репортажи не привлекают. Ни про кого, ни с кем, никогда, ни за что. Никакая политика, никакие политики, я их видеть не могу, у меня начинает сводить челюсть, когда я их вижу на экране, всех поголовно. Вся эта карточная колода вызывает у меня отвращение.

— У вас огромный круг общения, вы предпочитаете делать программы о людях хорошо знакомых?

— И да и нет. Многие, конечно, были моими близкими друзьями. Однако часто я не был с человеком знаком, но он мне нравился, привлекало его творчество. Я начинаю делать передачу о человеке тогда, когда увлекуюсь им. Вот хотели возобновить «Кинопанораму». Естественно, было предложение первую передачу сделать об Александре Яковлевиче Каплере. Я прочитал очень, очень много различных материалов о нем, узнал массу интересного о его жизни, я воодушевился и, хотя идея продолжения «Кинопанорамы» умерла, с огромным удовольствием сделал двухсерийную программу о Каплере, потому что мне это уже необходимо было сделать. Мне важно любить героя.

— Были для вас какие-то открытия?

— Открытий было много.

— И в одну и в другую сторону?

— Нет, в основном в одну. В плохую сторону очень мало, почти нет. Было много передач очень важных для меня как личности. Такие, как о Михаиле Шемякине, Александре Вертинском, Зинови Пешкове — родном брате Свердлова и крестнике Максима Горького, о Романе Гари — замечательном французском писателе невероятной судьбы, герое освобождения Франции, дипломате, русском по происхождению.

— Как журналист вы полностью реализовались? Остался интерес к этой деятельности?

— Интерес у меня остался, но у телевидения не осталось денег. Нет средств на поездку в Петербург, не то что в Париж. Поэтому я сейчас как тележурналист на некоторое время заглохну. Телевидение сейчас как бы из моей жизни уходит, вот восьмого января была финальная передача «Парижские тайны». В авторском тексте я говорю «прощальная», не потому, что исчерпаны все тайны, секреты, а потому, что кончилось все из-за кризиса, накрылось, извините за выражение, медным тазом.

— Как вы считаете, вы располагаете к себе людей? Вы обладаете биопапом, которое притягивает?

— Это наду у людей спрашивать. Но мне действительно зрители говорят много добрых слов, когда меня видят — улыбаются. Так что, наверное, да, но я могу это понять только отраженно.

— У вас была серия «Избранницы», о русских женщинах, женах известных французских писателей, поэтов...

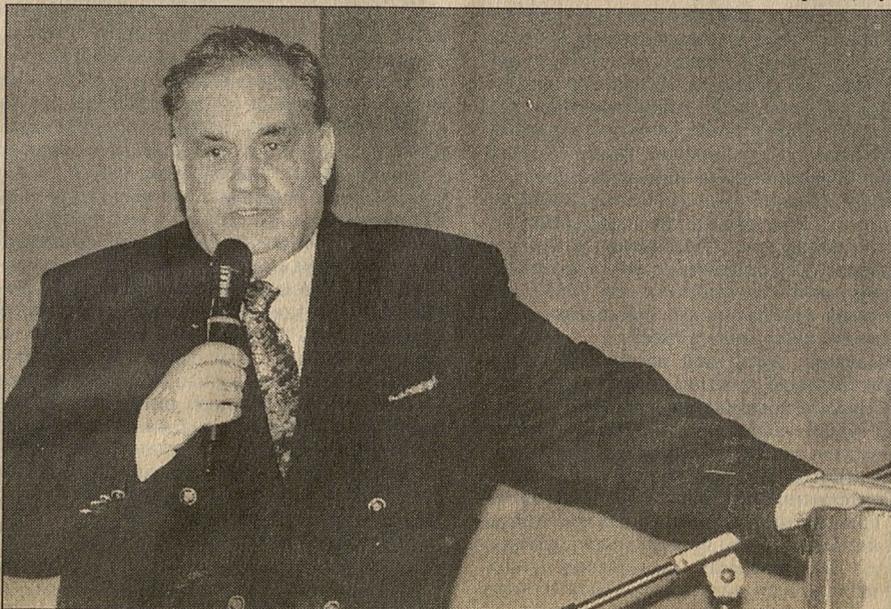
— Да, русские музы великих французских...

— Ваша избранница, ваша муза оказала влияние на ваше творчество?

— Ну у меня жизнь сложная. Муз было немало. Не было бы моей второй жены, не было бы фильмов «Ирония судьбы», «Служебный роман», «Вокзал для двоих» — их просто бы не существовало, хотя она никогда не работала привокзальной официанткой, но очень много взято из собственной биографии.

— Если бы были большие деньги, может, уехали бы куда-нибудь в чужие края пожить?

— Если бы мне даже предложили поехать на Майами или в Голулу, я бы выбрал Валдай. И это правда, не рисовка. Я хочу жить в своем народе, на своей природе, в своей языковой среде. Я в этой стране живу и про нее все понимаю. И всегда понимал, потому что я здесь родился и с молоком матери впитал все нюансы советской жизни, да и про новые времена тоже кое-что понимаю. У меня физиологический патриотизм. Если, не дай Бог, когда-нибудь придется бежать и жить в другой стране, я там помру в течение полугода. У меня есть чувство хозяина страны, в том смысле, что это моя земля, моя родина, здесь жить моим детям, внукам, дай Бог, правнукам. И это не красивые слова, а мироощущение.

Эльдар Рязанов.
Фото Натальи Преображенской (ИГ-фото)

Но он писатель. Он все писал и знал свои тексты наизусть. Его программы — это устные рассказы

первоклассного литератора с замечательным чувством юмора. Безусловно, я помнил передачи Каплера, но они же почти не записывались, они все шли в прямом эфире. Но уже тогда я понял главное: глаз телекамеры — разоблачительная вещь. Спрятаться невозможно. На экране необходимо быть таким, какой ты есть, и либо ты придишься по сердцу телезрителям, либо нет, с этим уж ничего не поделаешь. Личину надевать нельзя.

— «Кинопанорама» была крайне популярной, почему она все-таки умерла?

— Сначала умерло кино. «Кинопанорама» — вторична. Сейчас нет кинопроцесса. О чем можно рассказывать, если снимается три фильма в год. Тогда снималось 140 — 180. Есть программы «К-2», «Мое кино», Мережко что-то ведет. Но все они влчат жалкое существование и только по причине отсутствия кинематографа, их ничто не питает, чернозема нет, а на камнях и в пустыне ничего не растет.

— Эльдар Александрович, вы ушли с передачи во времена, когда все было не так плохо. Она для вас оказалась исчерпанной?

— Ну было много всяких причин. В некотором смысле и исчерпанной, и я стал делать что-то

вырезали из повторов и т.д. Пять лет меня на телевидении не было.

— Но возрождение произошло...

— Я вернулся уже в декабре 1991 года. Образовалась компания РЕН-ТВ, и меня пригласила Ирина Лесневская. Тогда начались авторские программы — «Восемь девок — один я», «Белоснежка и семь гномов» — о популярных телеведущих, программа о Наине Ельциной, затем о замечательных наших писателях — Евгении Евтушенко, Борисе Васильеве, Василии Аксенове, Юрии Левитанском, Борисе Чичибабине, Давиде Самойлове, были передачи об артистах, а потом пошли французские циклы.

— Французы высоко оценили ваши заслуги, «Орден Искусств и словесности» — почетная награда. Красивый орден, вы приносили его на работу, показывали?

— Нет, не приносил. У меня и другие-то ордена лежат не надевал, только в момент награждения, когда прикальвали.

— Эльдар Александрович, серия «Парижские тайны» прошла во Франции. Французы ее знают?

— Французы про героев моей серии, условно говоря, и так все знали. Что я буду им рассказывать о Брижит Бардо, про которую там было огромное количество скандальной хроники, как и кого она облила чернилами, кому

никогда. С Борисом Ельциным получилось случайно. Мы к 8 Марта делали программу о Наине Иосифовне, там я познакомился с президентом, и родилось еще две программы. Меня политические репортажи не привлекают. Ни про кого, ни с кем, никогда, ни за что. Никакая политика, никакие политики, я их видеть не могу, у меня начинает сводить челюсть, когда я их вижу на экране, всех поголовно. Вся эта карточная колода вызывает у меня отвращение.

— У вас огромный круг общения, вы предпочитаете делать программы о людях хорошо знакомых?

— И да и нет. Многие, конечно, были моими близкими друзьями. Однако часто я не был с человеком знаком, но он мне нравился, привлекало его творчество. Я начинаю делать передачу о человеке тогда, когда увлекуюсь им. Вот хотели возобновить «Кинопанораму». Естественно, было предложение первую передачу сделать об Александре Яковлевиче Каплере. Я прочитал очень, очень много различных материалов о нем, узнал массу интересного о его жизни, я воодушевился и, хотя идея продолжения «Кинопанорамы» умерла, с огромным удовольствием сделал двухсерийную программу о Каплере, потому что мне это уже необходимо было сделать. Мне важно любить героя.

— Были для вас какие-то открытия?